



Дев'ятнадцятий том “Наукових записок” Інституту української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського НАН України в двох книгах містить тематичну добірку статей/ доповідей, підготовлених учасниками Міжнародної наукової конференції “Джерела локальної історії: методи дослідження, проблеми інтерпретації, популяризація” (Київ, 29–30 вересня 2009 року). Автори розглядають різноманітні аспекти дослідження та використання інформаційного ресурсу історичних джерел, пропонуючи сучасні методологічні підходи, що напрацьовані в царині локальної історії.

Редакційна колегія

П. С. Сохань (відповідальний редактор),
Г. В. Боряк, В. А. Брехуненко,
Д. В. Бурім (відповідальний секретар),
І. Б. Гирич, Я. Р. Дашкевич (заступник редактора),
О. О. Маврін, Н. І. Миронець, Ю. А. Мицик,
В. І. Наулко, О. В. Павлюченко, В. І. Ульяновський

Редакційна колегія тому

П. Сохань (відповідальний редактор)
Н. Зіневич, (відповідальний секретар)
Т. Ананьєва, Б. Біляшівський, Д. Бурім,
І. Верба, О. Маврін, Е. Стьопченко

Затверджено до друку рішенням
Вченої ради Інституту української археографії
та джерелознавства ім. М. С. Грушевського
Національної Академії наук України

НАЦІОНАЛЬНА АКАДЕМІЯ НАУК УКРАЇНИ
Інститут української археології та джерелознавства
ім. М. С. Грушевського

НАУКОВІ ЗАПИСКИ

*Збірник праць молодих вчених
та аспірантів*

Том 19

Книга II

Частина 1

Київ 2009

НАЦІОНАЛЬНА АКАДЕМІЯ НАУК УКРАЇНИ
Інститут української археографії та джерелознавства
ім. М.С. Грушевського

Джерела локальної історії:

*методи дослідження,
проблеми інтерпретації,
популяризація*

Київ 2009

NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF UKRAINE
M. Hrushevsky Institute of Ukrainian Archeography
and Source Studies

Sources of local history:

*Methods of research,
problems of interpretation
and popularization*

Kyiv 2009

Зміст

Давлетшина Наталья (<i>Москва, Росія</i>) Источниковедение: предчувствие революции.	14
--	----

СЕКЦІЯ IV

Джерела локальної церковної історії та міжконфесійних взаємин

Борщевич Володимир (<i>Луцьк, Україна</i>). Парафіяльні описи Волинсько-Крем'янецької єпархії 1938 р.: структура, поліінформативність	23
Івлєва Яна (<i>Євпаторія, Україна</i>). Інформаційний потенціал джерел з історії молоканської секти Таврійської губернії в першій половині XIX ст. (за матеріалами Державного архіву в Автономній Республіці Крим).	30
Преловська Ірина (<i>Київ, Україна</i>). Огляд джерел діяльності київських парафій Української автокефальної православної церкви у 1920 – 1930-х рр.	45
Авдєєва (Любанська) Олена (<i>Бердянськ, Україна</i>). Єврейська громада в контексті міжконфесійних відносин у Північному Приазов'ї (остання чверть XVIII – XIX ст.). . .	56
Каиль Максим (<i>Смоленск, Росія</i>). Источники по истории епархиальной жизни и государственно-церковным отношениям в российской провинции 1917 – 1922 гг. (на материалах Смоленской губернии)	65
Тригуб Олександр (<i>Київ, Україна</i>). Інституційні джерела Російської Православної Церкви 1920–1930-х рр. в архівах України	84
Тургенєв Костянтин (<i>Бердянськ, Україна</i>). Порівняльний аналіз нормативно-правової бази функціонування духовних	

та світських навчальних закладів у галузі релігійної освіти на Півдні України у 1825–1913 рр. (за матеріалами Другого та Третього Зібрань законів Російської імперії)	95
Скус Ольга (<i>Умань, Україна</i>). Уманщина як релігійний осередок переплетіння православ'я, іудаїзму та католицизму в XIX ст.	104

СЕКЦІЯ V

Джерела локальної історії кінця XIX – першої чверті XX ст.

Кобченко Катерина (<i>Київ, Україна</i>). Спогади дружин університетських професорів як джерело історії інтелектуального середовища Києва середини XIX – поч. XX ст. (за мемуарами А. Іконнікової та М. Лучицької)	119
Верба Ігор (<i>Київ, Україна</i>). “Справа Сташевського” і Київський університет	130
Якобчук Надія (<i>Київ, Україна</i>). І.М. Каманін – дослідник історії та культурної спадщини міста Києва.	138
Старченко Галина (<i>Белгород, Россія</i>). Опекунские дела органов сельского общественного управления начала XX в.: документоведческая и источниковедческая перспективы изучения (по материалам Государственного архива Белгородской области).	150
Крилова Алла (<i>Київ, Україна</i>). Документи Таврійської губернської креслярні: звітність про польову роботу землемірів Спеціального межування (1861–1917 рр.)	168
Бирюков Максим, Старченко Галина (<i>Белгород, Россія</i>). Иностранный капитал в перерабатывающей промышленности и торговле Курской губернии конца XIX – начала XX в. (по материалам Государственного архива Белгородской области).	181
Стьопченко Елла (<i>Київ, Україна</i>). Джерела особового походження перших дослідників історії німецькомовних колоністів Півдня України.	191
Калінічева Галина (<i>Київ, Україна</i>). Господарська та громадська діяльність Йогана Корніса на Півдні України	209
Ковальчук Михайло (<i>Київ, Україна</i>). Німецьке населення Південної України і боротьба білогвардійської влади	

з повстансько-партизанським рухом в 1919 р. у світлі архівних документів	219
Бобилєва Світлана, Клець Віктор (<i>Дніпропетровськ, Україна</i>). Соціологічний портрет німецьких поселень в інонаціональному оточенні в 20–40-х рр. XX ст.	227
Ciesielski Tomasz (<i>Opole, Polska</i>). Archiwalne i biblioteczne spuścizny po koloniach polskich na Wschodzie jako źródło do XIX–XX wiecznych dziejów regionów Ukrainy na przykładzie Odessy.	237
Кравченко Олена (<i>Харків, Україна</i>). Доброчинна Рада в Харкові (початок XX ст.)	252
Крижанівський Віталій (<i>Київ, Україна</i>). Журнали засідань Єлисаветградської міської думи як джерело з історії цієї установи 1870–1880-х рр.	261
Макієнко Олексій (<i>Київ, Україна</i>). Проблеми використання документальних матеріалів земств у дослідженнях регіональної історії України.	269
Сорочан Ніла (<i>Харків, Україна</i>). Документи фонду Харківської губернської земської управи як джерело вивчення діяльності земства у галузі освіти у 1917–1918 рр.	284
Брянцев Михаил (<i>Брянск, Россия</i>). Антисоветское движение П.Н. Сенина на территории Брянской губернии в 1920–1921 гг. (по материалам Государственного архива Брянской области)	292
Киселева Елена (<i>Брянск, Россия</i>). Образ советской власти на страницах оппозиционных газет Орловской губернии (октябрь 1917 – август 1918 гг.)	313
Отземко Олена (<i>Донецьк, Україна</i>). Спогади учасників подій 1917–1920 рр. на Донеччині у фондах Державного архіву Донецької області.	327
Наулко Всеволод (<i>Київ, Україна</i>). Українська етнічна спільнота в світлі канадських переписів населення.	336
Власенко Валерій (<i>Суми, Україна</i>). До історії української еміграції в Румунії: Юрій Русов (за матеріалами Національного архіву Чеської Республіки)	350
Якобчук Світлана (<i>Київ, Україна</i>). До історії Надзвичайної	

дипломатичної місії УНР у Греції (за матеріалами щоденника Ф.П. Матушевського)	360
Potulnyskyj Volodymyr (<i>Kyiv, Ukraine</i>). Political Relations of Hetman Pavlo Skoropads'kyj with Japanese Military Imperial Authorities in 1928–1943 (on the materials of the personal diary of Hetman)	371
Петреба Юрій (<i>Київ, Україна</i>). Діяльність Українського Національного Комітету під керівництвом С. Маркотуна в Парижі (1922 р.) (за матеріалами ЦДАГО України) . . .	376
Сегеда Сергій (<i>Київ, Україна</i>). Становлення преси українських збройних формувань ХХ ст.: джерелознавчий аспект	383
Рябченко Ольга (<i>Харків, Україна</i>). Столичне студентство як локальна соціокультурна група в загальноукраїнському освітньому просторі 1920-х рр.: нові джерела розуміння . . .	398
Лабур Ольга (<i>Київ, Україна</i>). Мешканки радянських столиць України 1920–1930-х рр.: проблема гендеру в джерельній інформації	412
Рязанцев Николай, Салова Юлия (<i>Ярославль, Россия</i>). Краеведческие общества 1920-х гг. и их роль в изучении истории и культуры Ярославского края	422
Омельчук Дмитро (<i>Сімферополь, Україна</i>). Документи з історії політичних репресій як джерело локальної історії	435

Елена КИСЕЛЕВА
(Брянск, Россия)

**Образ советской власти
на страницах оппозиционных газет
Орловской губернии
(октябрь 1917 – август 1918 гг.)**

Периодическая печать – уникальный исторический источник. Уникальность эта обусловлена, прежде всего, тем, что она дает возможность в хронологической последовательности проследить развитие событий, является их живым свидетелем [23, с.16]. Однако, в силу того, что в газетах кроме фактов дается оценка событий, печать во все времена активно использовалась как средство идеологического воздействия, социальной ориентации. Особенно явно эти черты периодики проявились в ходе яростной борьбы различных социальных и политических сил во время гражданской войны в России в 1917–1920 гг. На страницах провинциальных газет, учредителями которых были оппозиционные большевикам партии и группы населения Орловской губернии, четко прорисовывается образ новой советской власти, осуществляется механизм его репрезентации. Раскрытие содержания этого образа и является целью данной работы. Нас интересует, прежде всего, как оппозиции на местах виделся приход большевиков к власти в Петрограде и в губернии, как оценивались их первые политические действия, воспринималась партия власти в целом и партийные лидеры по-отдельности, виделась перспективы власти в свете трагедии, развернувшейся по всей стране.

Период выхода рассматриваемых газет по протяженности небольшой, что обусловлено разными обстоятельствами, как политического, так и экономического характера. Прийдя к власти, большевики повели активную борьбу против оппозиционной прессы. Актом политической воли правящей партии оппозиционная пресса была запрещена [10, с.25-26], выпуски газет реквизировались, типографии национализировались, но несмотря на это, газеты рассматриваемого направления исчезли не сразу. Нам представляется, что среди вышедших из печати

в Орловской губернии в октябре 1917 – августе 1918 гг. оппозиционных большевикам газет условно можно выделить три группы.

Первую группу формируют газеты политических партий. Сюда входят печатный орган Орловского губернского совета крестьянских депутатов и губернского комитета партии социалистов-революционеров «Крестьянский вестник», печатавшийся с 29 октября 1917 г., и губернская газета РСДРП «Дело социал-демократа», организованная в июле 1917 г. Последний сохранившийся номер «Крестьянского вестника» датируется 18 января 1918 г., а «Дело социал-демократа» – 28 января 1918 г. (выходил до 20 февраля) [1, с.20-21]. Газеты политических партий Орловской губернии, таким образом, прекратили свое издание гораздо раньше, чем в целом по России, где ликвидация изданий меньшевиков и эсеров по стране прошла в апреле-июле 1918 г. [22, с.28].

Вторую группу оппозиционных газет составляют первые номера газет уездных советов, бывших какое-то время эсеро-меньшевицкими. Так, до нас дошли несколько номеров «Известий Бежицкого совета рабочих депутатов» – органа уездного совета, бывшего до августа 1918 г. эсеро-меньшевицким. Время перехода данной газеты из оппозиционной прессы в разряд официальной, как самое позднее время выхода интересующего нас вида прессы, мы и определили вторым хронологическим рубежом работы.

В третью группу вошли газеты, официально не принадлежащие никаким политическим партиям. Интеллигентские и «буржуазные» газеты вели историю своего существования либо со времен царской России, либо после Февральской революции. Однако в силу того, что газеты эти создавались и читались в основном представителями интеллигенции, оказавшейся после Октябрьского переворота «лишним классом», они имели антибольшевистскую направленность. Одна из таких газет «Голос гражданина» пишет:

«Лишние. Да, мы лишние, это ясно; в нас нет более нужды. Мы, российские интеллигенты, сейчас абсолютно не ко двору. Не проходит дня, чтобы нам что-нибудь не напоминало об этом. Раскроешь газету – одно известие красноречивее другого. Поедешь в трамвае или станешь в очередь – слушаешься достаточно выразительных слов о людях умственного труда, которые при этом будут фатально смешиваться с «буржуями» и «богатыми». Иные даже будут при этом грозить посчитаться рано или поздно «со всеми этими докторами, учителями, присяжными поверенными» [9].

«Голос гражданина» издавался в уездном центре Карачеве до 31 декабря 1917 г. Другой пример газет этой группы – губернская газета общественной жизни, литературы, политики и торговли «Орловский вестник», выходившая с 1874 г. Последний сохранившийся номер датируется 2 марта 1918 г. Время закрытия этих газет, условно относимых к буржуазным, находилось уже в русле общероссийского процесса [22, с.28]. Безусловно, в работе рассматриваются не все оппозиционные газеты, выходившие на территории Орловской губернии в октябре 1917 – августе 1918 гг., а только те из них, материалы которых наиболее многочисленны и полновесны, что позволяет найти ответы на поставленные в работе вопросы.

Издаваемые в большинстве своем с октября 1917 г. по весну 1918 г. (до августа 1918 г. «дотянули») только советские «Бежицкие известия») газеты оппозиционной власти направления ценны для нас тем, что показывают оборотную картину «триумфального шествия советской власти» по российской провинции. Ценность их сведений в том, что официальная светлая, лубочная интерпретация событий приобретает здесь иную окраску, представая чаще всего в смешанных тонах с преимущественным черным оттенком.

По времени приход к власти большевиков обозначился на уровне провинции всплеском погромного движения. Погромы кормивших губернию развитых помещичьих экономий, прокатившиеся по Орловской губернии с конца октября 1917 г., убийства владельцев имений, надругательства над трупами, – примерами подобных бесчинств пестрят страницы рассматриваемых газет. Так, первый номер «Крестьянского вестника» пишет о том, что «в губернии то там то тут происходят самовольные захваты, идут вырубки лесов. Все это вместе взятое дает безотрадную картину неорганизованности трудящихся. И в городах, где продовольственный вопрос стоит остро, пахнет погромом» [17]. Номера «Орловского вестника» конца октября-ноября 1917 г. также испещрены примерами безумий погромщиков. К примеру, в ходе одного из погромов сразу же после прихода вестей о новой власти был устроен погром в имения Оловенникова в Малоархангельском уезде, где была убита лошадь, а с «дивного быка заводчика», еще живого содрали кожу. «Бык, уже будучи ободранный поднялся, – пишет газета, – некоторое время ходил, после чего упал, и в страшных мучениях, под хохот толпы мучителей, издох. Это напоминало чисто-средневековый вандализм» [24].

Через месяц написала о погромном движении карачевская газета «Голос гражданина»: «И мы дождались того позора, который давно па-

дает на головы населения соседних уездов. И у нас в деревнях начались погромы. Разрушается в слепом безумии все культурное, попадающее на пути. Царствует разнузданность и самые низменные инстинкты. Самые темные, преступные элементы деревни, не останавливаемые твердой народной властью, увлекают за собой толпы крестьян, и прикрываясь этими толпами, самым подлым образом расхищают народное достояние» [4]. Здесь интересно свидетельство газеты о связи погромного движения с большевиками: «В некоторых местах у нас перед погромами в деревню приходили лица в солдатской и матроской форме и говорили, что «большевики» позволяют грабить и жечь имущества». Автор публикации добавляет, что «это безстыдная ложь темных преступных личностей. Большевики виноваты в том, что они разстроили ряды народной власти, что они вызвали братоубийственную войну, они увеличили анархию в стране. Но прямых призывов и разрешения грабить они не давали...» [4]. Газета признает увеличение анархии со сменой власти, но напрямую саму новую власть в росте погромного движения не обвиняет.

«Голос гражданина» скрупулезно следила за всеми фактами погромов и убийств, а также участвовавших в уезде краж и грабежей, за той ролью, которую играли в них крестьяне, за тем, как губернская власть разбирается с их виновниками. К счастью исследователя, корреспонденты газеты до ее закрытия успели передать сущность массовых погромов.

«Оказалось, что в большинстве случаев погромы производились организованными шайками бандитов, часто с большим уголовным прошлым. Эти шайки нападали на имущества, ограбляли наиболее ценные вещи, а в некоторых случаях, чтобы скрыть грабеж, поджигали имущества... В большинстве случаев грабители приезжали со стороны. Местное же население уже заканчивало начатое грабителями позорное дело... В обществе было мнение, что погромы вызваны стихийным движением крестьянства. Это мнение было ошибочно, но оно сыграло скверную роль. Прикрываясь этим мнением о стихийности погромов, бандиты спокойно грабили. А власть имеющая не принимала решительных мер против грабителей, имея в виду эту же кажущуюся стихийность», – пишет «Голос гражданина» в начале декабря, ссылаясь на итоги заседания губернского земельного комитета [7].

Такое ознаменование прихода к власти новой политической силы не могло не вызвать сугубо отрицательного настроения, формировало оно и соответствующее отношение к политике новой

власти. За каждым последующим её шагом все оппозиционные газеты губернии следили внимательно, давая резкие, но зачастую обоснованные оценки. Октябрьский переворот они определяли не иначе как «вооруженный мятеж большевиков и примкнувшей к ним хулиганской сволочи, проливших братскую кровь» [18], а самих пришедших к управлению страной называли «безумными фанатиками из Смольного» [8], «правлящей кучкой» [12; 20; 21]. «Голос гражданина» в статье «Ленин и Россия» называет признанного лидера партии большевиков В.И. Ленина «рабом догмы, не знающим ни жизни, ни народной массы». По мнению автора статьи, «он по книжкам знает, чем можно поднять массу на дыбы, чем можно легко пробудить в ней низменные инстинкты» [5].

Нередки на страницах «буржуазных» газет и образные сравнения представителей партии большевиков, облеченные в стихотворную форму. Так, автор «Орловского вестника», некто Зоил, сочинил стихотворение-пародию «Большевик»:

Я большевик, я большевик,
Я от культурных слов отвык
Отвык я жить по-человечьи
...
Я человечеству на плечи
Хочу взвалить звериный строй
Цивилизацию, культуру
Все буржуазное – долой!
Мы влезем все в бизонью шкуру,
Густою шерстью обрастем
И диким стадом заживем
И будет нас Вильгельм наш черный
Пасти в степях родной страны.
И будем мы ему покорны
И будем мы его верны [24].

Автор в аллегорическо-саркастической форме, удачно используя прием гротеска, представил как низкий культурный уровень большинства адептов большевизма, партийную идеологию уравниательства, так и миф о германских деньгах на революцию и долге императору Германии Вильгельму II. Скорее всего, тот же автор «Орловского вестника», подписавшийся ранее Зоил, а теперь ВА (сходен стиль), пишет с едким сарказмом об идеологии большевиков в стихотворении «Рай»:

Ленин, Троцкий, Коллонтай,
Луначарский, Стучка...
Пролетариям всем рай,
А буржуям взбучка,
Всем душителям простор
Кулаком раздолье.
Сам пошел рубить топор
Заходили колья
Троцкий все грехи простил:
Режь, коли буржуя!
Заплясал Сатаниил,
С Лениным ликуя.
Крови, крови он поет:
Крови! гильотины!
Мы поднимем весь народ,
Закипят пучины
Мы ребенку нож дадим,
Мы детей научим!
Вот блаженство, вот простор!
Пляшут комиссары.
Бесы выползли из нор,
Кражи... ругань... свары...
Ах, настал желанный рай!
Коллонтай вздыхает.
Наше право – разрушая!
Немцам мир, а русским «рай»...
Троцкий распевает [25].

В четырехстишиях В. Соколова, печатавшихся в «Голосе гражданина», на первый план выступает не сарказм, а разочарование и боль. Авторами независимо друг от друга активно используются аллегорические христианские образы и религиозная лексика:

Над тобой, о родная страна,
Над тобою царит сатана!
И в тиши облетевших берез
Плачет светлый и кроткий Христос

Обступили нас ужасов лики,
Раздаются безумные крики,
Свои крылья простерла беда,
И Господь нас отверг навсегда [6].

Апогея чувство горечи за страну доходят в стихотворении П. Урского на годовщину Февральской революции «Красный год»:

Вот идет войною брат на брата
Грохот пушек у святынь Кремля
Все поругано, что чтилось свято
Кровью обгарилась вся земля...

...
Друг мой, быть не может больше песен
Шумно-радостных, как вешний день.
Все померкло, мир стал тесен, тесен
В сердце холод, в сердце ночи тень [27].

Безусловно, авторы этих и других стихотворений глубоко переживали происходящее. Действительность наталкивала их на аллегории, выливавшиеся либо в горький сарказм, либо в боль, настроения упадка и разочарования. Эти настроения были общими и для авторов прозы. «Крестьянский вестник» публикует на своих страницах статью Власова «Уйдите», в которой автор говорит о том, что «в ослеплении своем, в своем дьявольском злорадстве, самодержцы Ленины хотят, во-первых, растоптать Россию, а затем и русскую демократию. Они видят, что с ними не демократия, а масса темных людей, которые под шумок ободрали иконы Успенского собора и других церквей, ограбили Иверскую часовню и Московскую городскую управу» [19]. Даже признавая наличие в партии большевиков идейных личностей, один из авторов «Бежицких известий» пишет: «Неужели не видят эти люди, что, быть может, всей душой желая блага своему народу, они сами роют для него глубокую могилу, из которой народу не будет скоро выхода и в которой он неминуемо задохнется». Они восклицают: «Неужели не задумывались они над тем, отчего социалистический рай, за который так упорно борются идейные большевики, превратился в настоящий ад, где задыхаются рядом от невыносимой жизни и буржуй и пролетарий?» [15]. На наш взгляд, столь обильное использование религиозной лексики в поэтических рифмах и прозаических текстах на страницах оппозиционной печати обусловлено переживаниями авторов текстов. Образы их текстов, как следствие, имеют большую силу воздействия, высокую эмоциональную насыщенность.

Часто на страницах оппозиционных газет губернии появляется мотив сравнения политики режима большевиков и практики царской России. Анонимный автор «Крестьянского вестника» проводит па-

раллель в деятельности Ленина и свергнутого царя Николая Романова в статье «Как две капли воды». К примеру, последний «отпраздновал вступление на престол кровопусканием на Ходынке, Ленин – по всей Руси» [19]. Наиболее активно сравнительный подход использует на страницах «Бежицких известий» партия меньшевиков, бывшая в большинстве Бежицкого совета рабочих депутатов. В середине 1918 г. авторы газеты пишут, что «правительствующая партия все более и более усваивает себе методы борьбы с недовольными ея политикой, родственные угасшему навсегда самодержавию. Та же свирепая система организованного насилия, проявляющаяся в массовых расстрелах, та же система шпионажа и доносов, чем могло похвастаться царское правительство, то же безумное требование политической благонадежности от своих сограждан, как и раньше – словом картина хорошо знакомая русскому трудовому народу» [13]. А местные коммунисты, пытавшиеся в июне-июле 1918 г. закрыть «Известия Бежицкого совета», удостоились от автора одной из заметок презрительных с позиции революционной морали метафор: «воеводы и приказные дьяки», «ретивые жандармы», «Держиморды» и «господа». Последнее использовалось в оппозицию к революционному «гражданин» [13]. А в одном из последних своих номеров в конце июля 1918 г. «Бежицкие известия» заявили: «То, что переживаем мы сейчас, не снилось нам во время самого злого царизма» [15].

Уже первые дни правления новой советской власти газеты провинциальной интеллигенции называют не иначе как «злые», «проклятые», «грозные», «мрачные», «скверные». Ближе к концу революционного года «Орловский вестник» пишет:

«Ни средняя, ни новая история России не давали никогда такого кошмарного положения, в каком мы находимся сейчас. Вот уже скоро два месяца, как в стране нет власти, нет правительства, отсутствует закон, право и даже простая порядочность. Новую власть никто не признает, ей никто не подчиняется. У этой власти нет никакой моральной силы, никакой нравственной опоры, а вся ея сила сводится только к нескольким волкам Петрограда и Москвы. То, что сейчас переживает Россия, в много раз страшнее и ужаснее падения древнего Рима, страшнее гибели исторических империй» [26].

Приход к власти большевиков, по общему мнению авторов оппозиционных газет, сверг страну в анархию, еще более значитель-

ную, чем та, в которой страна пребывала с марта, обозначился погромами и репрессиями, моральной деградацией населения, разрухой экономики.

«Виновником» последней, по мнению авторов «Бежицких известий», передающих итоги митингов в рабочих мастерских завода, является «война, а затем политика большевистской власти, целым рядом мероприятий довершившая развал промышленности» [13]. Также позиционирующая себя как газета рабочих, но уже не уездного, а губернского уровня «Дело социал-демократа» писала о том, что «сейчас у власти стоит сила, которую мы иначе не можем определить, как силу крестьянскую силу деревни», а сама «победа большевиков означает растворение рабочего движения в крестьянском». Ее авторы откровенно пишут про орловскую губернскую власть о том, что «большевики опираются на вооруженную силу и имеют поддержку центральной большевистской власти» [11]. В свою очередь «Крестьянский вестник» не считал, что большевики проводят прокрестьянскую политику. Но партийные лидеры и меньшевики и эсеры Орловской губернии, активно писавшие и редактирующие газеты сами, едины в том, что большевики пришли к власти и удерживаются у нее только при поддержке «человека с ружьем». Так, «Крестьянский вестник» пишет: «Великий туман умелыми руками напускается на голову векового страдальца – Российского трудовика. Кучка захватчиков власти, опираясь на безшабашную араву оторвавшихся от рук, от работы, существующих на готовой пище, одежде, квартире, отоплении, вооруженных и темных масс, звонят, гудят, барабанят, льют дорогую нам родную кровь, натравливают одну часть трудящихся на другую» [21]. «Бежицкие известия» убеждены, что «власть, которая для воздействия на своих подданных (где нет господства демократии, там всегда есть подданные), имеет только винтовки, только пулеметы, только казни, только дикую физическую силу – эта власть не имеет под собою почвы, не имеет доверия народа, и падения ее так же предрешено, как везде и всюду обречено на гибель самодержавие» [12].

Все оппозиционные газеты дышат идеей Учредительного собрания, как единственного органа государственной власти, обладающего, по всеобщему представлению, истинной легитимностью в отличие от установившейся разбойничьей власти. «Всякий разумный и истинный русский гражданин видит в Учредительном собрании последнее средство для собирания и спасения распадающейся России... Время пришло, будем готовы защищать Учредительное собрание даже с оружием в руках!», – пишет «Голос гражданина» [8]. Тем не менее, призыв этот

услышан не был. Как бы предчувствуя предстоящие события, один из авторов «Крестьянского вестника» пишет: «...В эти светлые дни исполнения всенародной воли, в дни, когда страна с трепетом ждет державного слова своих избранников кучка насильников и предателей народных интересов, опираясь на штыки обманутых солдат, доверие малосознательной части народных масс, уже занесла кощунственную руку над святыней русскаго народа» [20]. Именно разгон столь долгожданного Учредительного Собрания стал, на наш взгляд, рубежом, в том числе психологическим, после которого газеты уже не смогли оправиться. Рушится символ последней надежды, раньше, чем в среднем по России в Орловской губернии прекращают свое существование губернские газеты эсеров и меньшевиков.

Глубокая скорбь за оказавшуюся в революционном тупике Россию роднит всех авторов оппозиционной печати. Более того, «Бежицкие известия», прожившие самую «длинную» жизнь из всех газет губернии рассматриваемого направления, пишут, что режим большевиков – не что иное как «режим насилия, произвола и задушения свободы». Авторы замечают утверждая, что большевики «отошли от заветов революционеров о любви, братстве, человечности», и ставят вопрос «куда мы идем – в царство ли свободы или возвращаемся к той поре, когда право кулака был высшим правом?» [14].

Фактически отслеживая каждое политическое решение, «присматриваясь к действиям и распоряжениям большевистской власти» меньшевики Бежицкого совета в известиях отмечают «порывистый, шатающийся неуравновешенный, мечущийся, истерический характер» власти. Авторы отмечают, что «когда правительство говорит исключительно «чрезвычайным» языком, это значит, что жить ему осталось чрезвычайно мало». Здесь же власть саркастически сравнивается с неумелым акробатом, который «попав каким-то образом на канат над пропастью, делает отчаянные, губящие его движения». В этой ситуации «власть, почувствовав свое одиночество и полное недоверие к себе, становится истеричной и начинает кричать безумные слова, начинает на каждом шагу противоречит самой себя, метаться между крайностями, что не спасает от гибели, а наоборот, приближает момент падения» [12]. Пишут они и об откровенной беспринципности лидеров большевиков: «Наша власть не имеет твердого определенного пути, ея линия поведения не обоснована ни на каких определенных принципах. Наиболее ярко обнаруживается у большевиков одно стремление – удержать власть в своих руках какую-угодно ценою...» [12].

Оценивая восьмимесячное присутствие большевиков у власти в стране в свете разгоравшейся гражданской войны «Бежицкие известия» пишут: «Своей внутренней политикой советское правительство всемерно подготавливает и облегчает торжество завоевателей и реставраторов. Обостряя гражданскую войну, усиливая своими национализациями, реквизициями и контрибуциями хозяйственную разруху, коммунисты прямо способствуют росту реакционных настроений в широких массах демократии и создают благодарную почву для восстановления прежнего господства буржуазии». Газета явно указывает на болевые точки в развернувшейся политике «военного коммунизма»:

«Массы рабочих утрачивают веру в революцию и с сожалением начинают вспоминать о тех временах, когда на фабриках и заводах распоряжались предприниматели и не было такой безработицы и нужды. Голод, явное бессилие советской власти наладить продовольствие, не менее безумные «крестовые походы» за хлебом поселяют в самых широких обывательских массах мысль о необходимости восстановления прежней свободы всей торговли... Безтактные нелепые меры по отношению к представителям церкви лишь усиливают реакционный, по своему значению, подъем религиозного настроения в массах» [14].

Таким образом, авторы «Бежицких известий» прямо обвиняют большевиков в провоцировании гражданской войны в стране на всех уровнях, во всех социальных группах населения, утверждая, что их политика к тому же и есть «пассивное орудие» заговора против Советской России.

Отражая на своих страницах «ропот возмущения, который все ширится и растет в рядах не только буржуев, но и верных сынов революции – рабочих и крестьян», авторы «Известий» оценивали власть коммунистов-большевиков как временную. «Всего содеянного вполне довольно, чтобы преступная, бесчестная власть стала непереносимой для народа. Порох негодования уже накопился в сердцах наших. И власть большевиков бессильно, изступленно, истерически мечется на пороховом погребке, разбрасывая собственными руками губительные искры», – писал меньшевик Рикман [12]. В другом номере газеты он же предсказывает, что «партия коммунистов, насильем рожденная к власти, насильем поддерживающая свой колеблющийся авторитет, будет сметена народным гневом, проявляющимся уже и теперь в организованных формах» и добавляют, что «массовый тер-

пор, практикуемый партией большевиков, разлагающе действует на трудовые массы, приучая их к торжеству грубой силы над правом, правдой и справедливостью»[13].

Таким образом, проведенное исследование показало, что авторы оппозиционной печати Орловской губернии, выходящей в октябре 1917 – августе 1918 гг., глубоко переживали происходящее со страной. В их глазах новая большевистская власть своими действиями лишь усилила анархию в стране. Новая власть видится им как захватническая, антинародная, преступная. В текстах газетных заметок и статей, публикуемых стихотворениях она наделяется самыми негативными эпитетами, в описание коммунистической партии и ее представителей идут в ход самые неприглядные метафоры и образы. Исторические перспективы у власти, основанной на силе штыка, по мнению авторов газетных публикаций, отсутствуют. Необходимо, на наш взгляд, добавить, что такое восприятие новой власти было характерно не только для партийных деятелей и интеллигенции Орловской губернии. Разбойничий, насильственный и временный ее характер отмечало в то время и основное население губернии, крестьянство[2].

Источники и литература

1. *Андреева Л.К., Хоменкова Л.П.* Периодические издания Орловского края. 1816–1995 гг. Справочник. – Орел, 1997. – 174 с.
2. *Брянцев М.В.* Образ Советской власти в представлении крестьян в годы гражданской войны (на материалах Государственного архива Брянской области). // Проблемы истории советского государства и общества. Сборник научных трудов. Выпуск II. – Брянск, РИО БГУ, 2008. – С.93-108.
3. Газеты первых лет Советской власти, 1917–1922: Свод. библиогр. каталог: В 4-х ч./ Гос. б-ка СССР им. В.И.Ленина и др.; Сост. О.Н. Нижнева и др. – М.: ГБЛ, 1990.
4. Голос гражданина. – 1917 г. – 21 ноября.
5. Голос гражданина. – 1917 г. – 1 декабря.
6. Голос гражданина. – 1917 г. – 5 декабря.
7. Голос гражданина. – 1917 г. – 8 декабря.
8. Голос гражданина. – 1917 г. – 12 декабря.
9. Голос гражданина. – 1917 г. – 23 декабря.
10. Декрет о печати // Декреты Советской власти. Т.I. М.: Гос.изд-во полит. литературы, 1957.
11. Дело социал-демократа.– 1918 г. – 28 января.

12. Известия Бежицкого совета рабочих депутатов. – 1918 г. – 16 июля.
 13. Известия Бежицкого совета рабочих депутатов. – 1918 г. – 20 июля.
 14. Известия Бежицкого совета рабочих депутатов. – 1918 г. – 21 июля.
 15. Известия Бежицкого совета рабочих депутатов. – 1918 г. – 23 июля.
 16. *Кондратенко А.И.* Очерки истории периодической печати Орловской губернии (1816–1928). – Орел: Изд-во ОРАГС, 2002. – 126 с.
 17. Крестьянский вестник. – 1917 г. – 29 октября.
 18. Крестьянский вестник. – 1917 г. – 11 ноября.
 19. Крестьянский вестник. – 1917 г. – 18 ноября.
 20. Крестьянский вестник. – 1917 г. – 5 декабря.
 21. Крестьянский вестник. – 1917 г. – 8 декабря.
 22. *Молчанов Л.А.* Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны. (1917–1920 гг.) – М.: Издат – проф-пресс, 2002. – 272 с.
 23. *Мухаметзянова Н.Р.* Периодическая печать Среднего Поволжья времени гражданской войны в России (1918–1920 гг.) как исторический источник.: Дисс. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. – Казань, 1997. – 184 с.
 24. Орловский вестник. – 1917 г. – 12 ноября.
 25. Орловский вестник. – 1917 г. – 16 декабря.
 26. Орловский вестник. – 1917 г. – 23 декабря.
 27. Орловский вестник. – 1918 г. – 25 февраля.
- Радионова С.А.* Репрезентация // Социология: Энциклопедия.–Мн.: Книжный дом, 2003. Интернет-ресурс <http://slovari.yandex.ru/dict/sociology/article/soc/soc-0952.htm>

Елена Киселева (*Брянск, Россия*) **Образ советской власти на страницах оппозиционных газет Орловской губернии (октябрь 1917–август 1918 гг.)**

На страницах оппозиционной большевикам прессы Орловской губернии авторы рисуют образ новой советской власти. В статьях и стихотворениях власть предстает как захватническая, антинародная, преступная. Она наделяется негативными эпитетами, при ее описании используются неприглядные метафоры и образы. Исторические перспективы у власти, основанной на силе оружия, по мнению авторов газетных публикаций, отсутствуют.

Ключевые слова: образ советской власти, оппозиционная печать, захватническая, антинародная, насилие

Елена Кисельова (*Брянськ, Росія*) **Образ радянської влади на сторінках опозиційних газет Орловської губернії (жовтень 1917–серпень 1918 рр.)**

На сторінках опозиційної більшовикам преси Орловської губернії автори відтворюють образ нової радянської влади. У статтях і віршах влада постає як загарбницька, антинародна, злочинна. Вона наділяється негативними епітетами, для її опису застосовувались емоційні метафори та образи. Історичні перспективи у влади, заснованої на силі зброї, на думку авторів газетних публікацій, відсутні.

Ключові слова: образ радянської влади, опозиційний друк, загарбницький, антинародний, насильство

Elena Kiseleva (*Briansk, Russia*) **The image of the Soviet Government on the pages of oppositional press of Orlovskaya guberniia (October 1917–August 1918)**

In the pages of oppositional press of Orlovskaya guberniia the image of the new Soviet power is depicted. This power is presented as an unpopular and criminal. Its image is disclosed with the help of negative epithets and metaphors. The authors consider Bolsheviks usurpers. From the point of their view, New Soviet power doesn't possess any historical perspective.

Keywords: the image of the Soviet Power, the oppositional press, usurpers, unpopular, coercion